

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

© — ОЛЯ — 1990

X

Г. С. БАРАНКОВА, А. А. ПИЧХАДЗЕ

О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОТОГРАФА
ИЗБОРНИКА СВЯТОСЛАВА 1073 Г.

Одна из старейших древнерусских рукописей — Изборник Святослава 1073 г. (ГИМ, Син. 1043, далее ИСв-73) — представляет исключительный интерес для палеославистики. Рукопись содержит славянский перевод греко-византийской антологии, в состав которой входят отрывки из патристических сочинений и Священного писания. Принято считать, что перевод выполнен в Болгарии в начале X в., при царе Симеоне. Входящие в состав памятника статьи имеют всеобъемлющий характер — от богословско-философского до естественно-научного, что позволяет исследователям считать Изборник своеобразной энциклопедией своего времени.

Богатство содержания памятника, его важное идеологическое значение в распространении христианского учения обусловили длительную традицию переписывания Изборника в славянских странах. Текст памятника сохранился в значительном числе списков русского и сербского изводов [1, с. 51—56]. 15 дошедших до нас русских списков Изборника XI—XVIII вв., относящихся к трем текстологическим редакциям, — свидетельство продолжительного бытования текста этого памятника на Руси [2, с. 5—17]. Продолжали переписывать Изборник и в XIX в. Три списка этого памятника XIX в. из собраний ГБЛ описаны Л. П. Грязиной и Н. А. Щербачевой [3, с. 86—88].

Существовавшая сербская рукописная традиция Изборника представлена по крайней мере тремя сохранившимися списками XIII—XVI вв. [4, с. 57—97; 5, с. 255—275].

ИСв-73 — древнейший список памятника. Он содержит ценный материал как для изучения славянского перевода, выполненного в X в., так и для исследования языковых явлений, которые отразились в памятнике благодаря деятельности позднейших переписчиков.

Являясь второй по древности датированной древнерусской рукописью, ИСв-73 обладает целым рядом типичных древнерусских фонетических и морфологических особенностей. К их числу принадлежат написания с оу-, о- в начале слова в соответствии с ю-, е- в старославянских рукописях, написания с ж на месте *dj, а также — в отдельных случаях — с ч на месте *tj. В ИСв-73 отмечены слова с начальным ро- (в том числе с приставкой роз-), ло-, встречаются слова с полногласием.

Из наиболее характерных древнерусских морфологических черт, свойственных ИСв-73, можно указать следующие: окончание твор. ед. -ъмь (-ьмь) слов с основой на *-о, окончание -ѣ в род. ед., им. и вин. мн. мягкой разновидности основ на *-ā, наличие местоименной формы собѣ в дат. и местн., глагольное окончание -тъ в 3 л. ед. и мн. наст. врем., преобладание форм имперфекта 3 л. ед. и мн. с уподоблением гласного в суффик-

се (типа бѣаше, хотѣахоу) и его стяжением (типа баше, хотахоу) [6, с. 183, 192, 196; 7, с. 12—15].

Согласно традиционному мнению, ИСв-73 написан двумя писцами, причем главному из них принадлежит основная часть рукописи: лл. 86а — 264а [8, с. 60—62]. В последнее время было высказано предположение о наличии значительно большего числа писцов [9, с. 149].

В орфографии ИСв-73 отчетливо видны приемы древнерусских писцов, выразившиеся в неэтимологическом употреблении букв носовых, написания сочетаний редуцированных с плавными типами *t̄yrt, *t̄yrt с редуцированным перед плавным и др.

В то же время некоторые факты свидетельствуют о том, что ИСв-73 восходит к глаголическому протографу [10, с. 7; 7, с. 3—6]. Б. Велчева высказала предположение о существовании древнеболгарского глаголического протографа ИСв-73, орфография которого «поразительно напоминает правописание Зографского евангелия», а с другой стороны, отметила, что кириллическая норма ИСв-73 приближается к орфографической системе Супрасльского сборника [9, с. 150].

Вместе с тем в ИСв-73 можно обнаружить фонетические и морфологические черты, восходящие к болгарскому протографу [6, с. 183; 7, с. 10—11]. Анализ этих черт позволяет установить ряд фактов, немаловажных для истории древнеболгарского языка.

К числу явлений, свидетельствующих о болгарском происхождении протографа ИСв-73, относится прежде всего мена юсов. Она выражается не только в написании а, ѣ вместо ж, љ и наоборот, но и в употреблении а, ѣ вместо оу, ю и наоборот, поскольку в орфографической системе ИСв-73 а, ѣ и оу, ю могут замещать соответственно а, ѣ и ж, љ.

Еще А. Розенфельд указывал на мену юсов в ИСв-73 [6, с. 183, 187], однако привел лишь единичные примеры. В действительности случаи отражения мены юсов в ИСв-73 довольно многочисленны. Они фиксируются на всем протяжении рукописи, т. е. в частях, переписанных разными древнерусскими писцами. Особенно показательны примеры, когда мена нельзя объяснить влиянием ближайшего контекста, которое могло бы привести к переосмыслению писцом синтаксической структуры фразы:

ѣако же кости въ оутробѣ раждаѣщоу (вм.: раждаѣщата) тако же не разоумѣжть са твари бжиа (ἐν γαστρὶ τῆς κοφορούσης) 20617—20; аште ли стѣж (вм.: стѣа) штоужаѣ. и въ очиж имьи неправдиѣ. глѣши хлѣбъ даждь · инъ послушаѣ гласа того · а не бѣ (γεωργῶν τὰ ἀλλότρια) 76г16—17; аште и приобрѣтаж (вм.: приобрѣтаа) отъ правдыныхъ трудовъ · не приносиши боу · приноси имъже кърматьть са (так!) оубози · грабление ти вѣмѣнить са (κτόμενος) 84б25—26; притьча (вм.: притьчоу) наоучи си · ѣако же да са не врѣждаешѣ (τὴν παραβολὴν ἐρημνεύθητι) 122б20, в XIII Словах Григория Богослова по списку XI в. в этом месте читается притьчоу [11, 87]; да тоу оубо вѣжтръ · въ поустыни великыа скоуѣж (вм.: скоуѣа) · ѣсть дѣбрь зѣло глѣбока (ἐν τῇ ἐρήμῳ τῆς Μεγάλης Σκοθίας) 153б14; оставлаѣть събытыж дѣла того ѣже по томъ боуде разоумѣниѣ глѣныхъ · пороучаѣж (вм.: пороучаа) оуже ѣако же и ѣгда рече разорите цркве сиж (ἐπιτρέπων) 180г10.

Кроме того, имеются случаи, когда писец мог употребить одну грамматическую форму вместо другой в результате переосмысления контекста, иногда весьма темного. Однако, учитывая приведенные выше примеры, по-видимому, допустимо и в этих случаях усматривать отражение смешения носовых:

да вѣмѣнигаѣть са иже хотать примати цѣльбоу · и да оунышоу (вм.: оуныша) творить (ποιεῖτω βελτίους) 34г27—28; иже чѣстныхъ желаж (вм.: желаа) даровъ · и на приатыѣ ихъ · нравъ чистъ имьи · акы своѣа хѣдости разоумьникъ · пришѣдъ нѣ къ комуу прѣподобныхъ мжжъ ·

молить си быти помоштьника (ἐφιέμενος) 47a26; не бо хероувима имаши, нъ хероувимьскааго влкоу оутрь живжща · ни ржцькы ни манны · ни скрижалии · ни жьзла аарωнова · нъ тѣло и крѣвь гн'а (вм.: гн'ж, в греч. вин.) и дхъ в писаниа мѣсто 50a7; поставлю ѣжношж (вм.: ѣжноша) кназа ихъ (νεανίσκους ἄρχοντας αὐτῶν) 9669 (Ис. III 4); вида кого отъ князь мьздами продажштж (вм.: продажшта) правьдоу (τινάς... ἀπεμπολοῦντας) 97r21; ѣда неправьднъ бѣ ѣсть · члчскы гла (вм.: глж) не боуди то (λέγω, μὴ γένοιτο) 10062; вѣ забыть ны положи · рекохъ ѣмѣ · галииновы ипократовы · и тацѣхъ отъродъ · соуштата сьлѣчата вѣроуѣж (вм.: вѣроуѣа) (ἐλελήθη ἡμᾶς... τὰ Γαλιηνοῦ καὶ Ἰπποκράτους καὶ τῶν τοιοῦτων ἐχθόνους εἶναι τὰς εἰμαρμένους δοξάζων) 11564; грѣлица же роди ть (ошибочно вм.: родъ ть, в греч. ж. р.) ѣвлаше сиць отъшьдъшж оубо излѣзъшж оубо отъ ѣгупта · вѣ поуустыни же вѣсельша (вм.: вѣсельшоу) са (ἡ δὲ τρογὼν τὴν γενεάν ἐκείνην ἐνέφηγεν τοιάνδε ἀποπτᾶσαν μὲν καὶ ἐξελθούσαν ἐξ Αἰγύπτου ἐν δὲ ἐρήμῳ κατασκηνώσαν) 136a17; оно истиньно соуште · вѣроуа (вм.: вѣроуаю) ѣже акы правьдныи ѣдѣва сьпасеть са · нечьстивыи и грѣшныи кѣде ѣвить са (ὄντως δὲ ἐκεῖνο ἀληθὲς εἶναι πείθομαι) 148r21; да не длѣгоста (вм.: длѣгостож, ἵνα μὴ μακρολογῶ) 203619; сьгрѣшѣжца ѣпадати вѣ тѣлеса · лютыа же и лоукавыа вѣ звѣра а грабительныа влькы · лоукавыа же вѣ лисицж · вм.: лисица, (τοὺς δὲ ἀρπακτικοὺς εἰς λύκους, τοὺς δὲ δολεροὺς εἰς ἀλώπεκας) 246a13.

Единственный случай смешения в суффиксе (сьгрѣшѣаште 146a5—6) может объясняться выравниванием по форме им. пад. ед. ч. [12, с. 58—59].

Мена юсов — наиболее характерная черта среднеболгарских рукописей XII—XIV вв. Первоначально смешение носовых в болгарском происходило во флексиях и суффиксах после [j] (в том числе после сочетаний [л], [н], [р] и губных с [j]); после шипящих и [ц], а также в слове вьсь [13, с. 270—276; 14 (I), с. 845—850; (II), 906—909; (III), 216—221]. Как показывают приведенные выше примеры, написания, отражающие смешение носовых, отмечены в ИСв-73 именно в этих позициях.

Единичные отступления от этимологически правильного употребления юсов наблюдаются уже в старославянских памятниках [15, с. 209—210]. В Зографском евангелии, наряду с несколькими примерами написания оу вместо ж, отмечены случаи употребления ѣж, ж вместо ѣа, а во флексиях: вѣземл'ѣж вместо вѣземл'ѣа прич. наст. действ. (Лука XIX 22), ѣудеж вместо ѣудеа вин. мн. (Ио. XI 33), води вьслѣплжштжѣж вместо вьслѣплжштѣа [16, XX]. Особенно многочисленны случаи мены юсов в Ассеманиевом евангелии: в этом памятнике зафиксировано 8 примеров употребления а вместо ж и 3 примера употребления ж вместо а, которые не могут объясняться переосмыслением контекста [17, с. 23—24].

Учитывая отступления от этимологически правильного употребления юсов в старославянских памятниках, в особенности в Ассеманиевом евангелии, ученые пришли к заключению, что процесс смешения носовых начался не позже XI в., по крайней мере в некоторых болгарских диалектах [18, с. 352—357; 19, с. 113, 117; 15, с. 207—210]. Материал ИСв-73 подтверждает эту датировку.

Наряду со случаями отражения мены носовых, в ИСв-73 встречаются написания а вместо е и е вместо а. Это отмечал еще Н. Дурново, считавший указанное явление сербизмом [20, с. 569]. Однако примеры мены а/е, которые невозможно объяснить влиянием контекста, единичны: всаа (вм.: всаа, ж. ед. род.) 118(149) в 16; аще оци за дѣти не моучать са · ни снове за оца · то ѣвѣ ѣсть ѣако ни жены за моуже (в греч. мн. вин.) · ни раби за владыкы 147a28.

В ряде случаев находим формы на -а (-та), — очевидно, переосмысленные как причастные, — там, где должна быть употреблена личная форма

глагола и наоборот: несмыслъ же не вѣды бжита прѣмоудрааго промысла съгрѣшата и наказаемъ или га или члвѣкы · съвои зъли виньна помышлала (вм.: помышлаю, λογίζεται) 114в5; да подобно оубо имъ надъгробие съписаю (вм.: съписаю) соломонъ... рече ... (ἀναγραφόμενος) 188в29—188г1; или бо отъ блазнаштааго блазнъ бываа (вм.: бываю) или о блазнаштиимъ са (γίνεται) 209б26; тръстаа же пѣснь непрѣстанъно аггельско стостъноуе славословие обавлаа (вм.: обавлаю, ἐμφαίνει) 218б27; се бо и бжъствноуе гавлаа (вм.: гавлаю) писанию (δηλοῖ) 250б8.

Несколько раз встречается се вместо возвратной частицы са: камо ли поклонение се дѣвше мнѣти (ποῦ τὴν προσκύνησιν χειωρηθέναι νομίζειν) 67в25; се да отвѣштаеть се (вм.: са) тако... (ἐκεῖνο λεγέσθω) 135в29; чжтьемъ рекъше дѣствъмъ разоумѣвати се (θεωρεῖσθαι) 225б29. Один раз встретилось са вместо местоимения се: друзии же оуже и срацины мноюискоусьныа · извѣстоужь · провѣдѣние са имоушта (διαβεβαίουονται τὴν πρόγνωσιν ταύτην κερτῆσθαι) 118 (149)г18. Однако в случаях такого рода можно видеть скорее ошибочное употребление местоимения се вместо частицы са и наоборот, вызванное переосмыслением контекста.

Мена а/е наблюдается и во флексиях. В 3 л. ед. ч. глаголов встречается окончание -ше вместо -ша (-ша) в аористе при субъекте во мн. ч. и -ша (-ша) вместо -ше в имперфекте при субъекте в ед. ч. (покаша са 139г27 и др.). Возможно, здесь мы имеем дело с взаимовлиянием окончаний аориста и имперфекта. Очевидно, как результат смещения флексий следует интерпретировать и появление -е вместо -а (-а) в окончаниях им. и вин. пад. мн. ч. действительных причастий настоящего времени: зѣло юсть оубо зѣлохоульно · юеже вѣровати толикѣ силу имоуште (вм.: имоушта) жтробьныа чародѣца 119 (150)а9; на иномъ мѣстѣ · прѣбывають дша ожидажште (вм.: ожидажшта) тѣлесныхъ въскрсьении (αἱ ψυχαὶ προσμένουσαι) 119 (150)а4; аки дѣтолюбца и пекоуште (вм.: пекоушта) са о многодѣтствѣ страшити прѣштении (πεφροντηχότας) 146в14. Отступления от правильного употребления флексий в формах мн. ч. действительных причастий настоящего времени в ИСв-73 вообще очень многочисленны.

Таким образом, примеры мены а/е в ИСв-73 оказываются в большинстве своем ненадежными. Тем не менее не исключено, что некоторые из них отражают мену а/е в протографе ИСв-73.

Известно, что переход [e] → [e] имел место не только в сербском, но и в болгарском. Мена а/е отмечена наряду с меной юсов уже в Зографском евангелии [16, XX], а также в Охридском апостоле XII в. [14 (III), с. 217]. Едва ли мена а/е в ИСв-73 может быть интерпретирована как сербизм. Учитывая такие характерные особенности памятника, как мена юсов и отсутствие l-epentheticum [7, с. 11], мену а/е следует расценивать скорее как черту, восходящую к болгарскому протографу. Если случаи мены а/е в ИСв-73 не результат ошибки или переосмысления контекста, если эти случаи имели место уже в протографе памятника, то они могут свидетельствовать, как и соответствующие примеры из Зографского евангелия, о начале перехода [e] → [e] в болгарских диалектах.

Еще одна характерная черта, свидетельствующая о болгарском протографе ИСв-73, — уподобление и стяжение гласных в формах настоящего времени у глаголов III класса. Стяжение у глаголов на -ѣ не встретилось.

У глаголов на -а уподобление гласных и их стяжение многократно отмечено на лл. 223—234, содержащих перевод философского трактата Феодора Райфского: наст. 3 ед. — отлоучать са 226в5, раздѣлатъ са 227б15, 231а3, быва 230б5, отъбыва 230б5 дважды, прѣбываа 231в17, възраштаа са 232г9—10, оглаголатъ са 234б27; наст. 1 мн. — обрѣтоваамъ 223в6. За пределами трактата Феодора Райфского уподобление и стяжение гласных в глагольных формах отмечено

спорадически: наст. 3 ед. — прѣрывать са 60610—11, авлатъ 236619, избыва 239в21, ни раздѣлать са ни прѣмѣн'ать са 246в1—2; наст. 3 мн. — авлатъ 129г28, наст. 2 ед. — дѣлаши 193в4, наст. 3 ед. или мн. — прилипать (камѣнїѣ) 153в7 (в греч. мн.). Видимо, уподобление представлено в формах наст. 1 мн. гнѣваѣмъ 86г5 и наст. 3 ед. съконъчатъ са 195б29—195в1.

Распределение примеров показывает, что уподобление и стяжение гласных у а-глаголов характерно в первую очередь для протографа, с которого был переписан трактат Феодора Райфского. По-видимому, текст трактата не входил первоначально в состав ИСв-73 и был присоединен позднее.

Уподобление и стяжение гласных у глаголов на -а- (реже — на ѣ) фиксируется в ряде старославянских памятников, особенно часто — в Зографском евангелии и Супрасльском сборнике [21, с. 259; 22, с. 123]. В Мариинском евангелии стяженные формы у а-глаголов в наст. 2 мн. и наст. 3 ед. преобладают над нестяженными [23, с. 443—446]. Это явление отмечено в Охридском апостоле XII в. [14 (III), с. 231] и в ряде болгарских грамот XIV в. [24, с. 79].

В ИСв-73 отразились некоторые морфологические явления, которые спорадически встречаются уже в старославянских памятниках, но более широкое распространение получают в среднеболгарский период. К ним относится в первую очередь твор. ед. ж. р. существительных и прилагательных с основой на *-ā, имеющий окончания -ж (-ѣж), -оу, -оуж вместо -оѣ (-ѣѣ): плѣть вѣдшеноу доушеж словесьнож и разоумьноуж 21г17—18, соуштоуж.вѣрож 46г2—3, глаголаноуж ... прѣгъчеж 72в17—18, съженоу 97г4, горькоуж съмрътиж 107г15, оумьноуж мысльж 132а29, вѣрож бывъшжж 157а16—17, сытостыж оутробьноуж 157г16—17, съженож изычьноуж и которивоуж 170а20, высокоуж выж 174а28, съваривъшжж ноштыж 214г22—23, съ прѣдваривъшжж ноштыж 215в6.

Окончания -ж, -жж- (вместо -оѣ) в твор. ед. основ на *-ā отмечаются единично в Зогр. (галилѣж, братьѣж), Клоц. (обрѣтаѣштыж), Асс. (братиѣж), Сав. (славж), Мар. (обржченжж), Син. пс. (многж силж) [25, с. 60]. В Супр. примеров значительно больше: нжжджж, ржжжж [22, с. 34], а также ноуждж, одеуждж, воужводж, сотонж, чистотж, ѿомж, ржжжж, доушж, земыж, братиѣж, божиѣж, многж, зѣлж, яснж, гораштж, дѣвол'ж, господьн'ж [25, с. 60]. Многочисленность примеров подобного рода в Супр. позволила С. М. Кульбакину отнести «эти формы к числу диалектических особенностей памятника» [25, с. 13].

Совпадение флексий твор. и вин. пад. основ на *-ā отмечено во многих среднеболгарских рукописях: в Кичевской триоди XI—XII вв. — та... с рождъшжж величаемъ, иродъ безаконоваше с ыродиадж и др. [26, с. 85—86], в Болонской псалтыри — яростиж твож, милостиж твож, незлобж мож, спси десницж твож, благодѣтиж твож и др. [22, с. 135], в Добромировом евангелии — съ дружинж свож, тож бо мѣрж, съ силож и славож многж, съ челѣдиж свож [27, с. 26] и др.

А. Лескин указывал, что форма твор. ед. «женоуж, доушеж — собственно местоименная, именная же была короче: женж, доушж, но в некоторых древнеболгарских источниках она вовсе отсутствует, в других редка; обычной формой является более длинная» [28, с. 165]. С. М. Кульбакин считал окончание -ж в твор. ед. основ на *-ā формой более новой сравнительно с окончанием -оѣ, возникшей в результате стяжения. Ученые рассматривают форму твор. ед. основ на *-ā в ряду морфологических особенностей, свидетельствующих о развитии аналитизма в среднеболгарском [26, с. 85—86 и др.].

Показателен тот факт, что в приведенных выше примерах из ИСв-73, состоящих из существительных с основой на *-ā и согласуемых с ними прилагательных, окончание -ж (-жж) имеется только у одного члена этого ряда: так, если с существительным согласуется два прилагательных, то

окончание -оуѣ имеет лишь одно из них. Можно предположить, что русский писец ИСв-73 использовал варьирование окончаний в стилистических или иных целях, употребляя форму болгарского творительного на-ѣ только в паре с привычным и понятным ему окончанием -оѣ.

Личные имена м. р. на -ии, -иа в ИСв-73 в твор. ед. имеют окончания, сходные с окончаниями существительных ж. р. с основой на *-i, а в дат. и вин. — с окончаниями существительных ж. р. на *-ja: дат. къ моусии 102a10, 24, 153a20, 188a27, 251b18, моусии 154a25, 196г2, 198a17 (при моусеови 64618), вин. моусиѣ 18866, моусиѣ 190620, твор. иеремѣ (διὰ Ἱερειῶν) 71г11, иеремѣ 144a11, моисиѣ 177624, моусиѣ 177b26, ср. также месиеѣ 161b7 вместо мосиеѣ (наряду с иеремиеѣ 8868, 98г17, 159618, 124619, моусеомъ 51г22). В твор. ед. окончание существительных ж. р. на *-i принимает иногда и слово *днь*: дньѣ 152г24. Эти формы характерны для Толковых пророчеств, переведенных в Болгарии при царе Симеоне [29, с. 74—75], а также для других текстов, возникших в Болгарии в X в.: ср. в XIII Словах Григория Богослова по списку XI в. — петра помани и андрѣѣ 369δ, на моусиѣ 187γ, 218α, моисиѣ (твор. пад.; писец написал над строкой между и и ѣ букву ю) 346β, дньѣ 291α, днью 359β, в Шестодневе Иоанна экзарха по списку 1263 г. — днью 162. Твор. ед. от слова *днь* с таким же окончанием встречается и в Супр.: дньѣ 419, 26, дньиѣ 214, 18.

Интересной особенностью ИСв-73 является также употребление члена, которое наблюдается уже в древнейших памятниках болгарского происхождения. Это явление отмечается в частях рукописи, принадлежащих разным писцам, и, по-видимому, восходит к переводу памятника. Нередко переводчик передает греческую форму с артиклем славянской формой с местоимением *тѣ*, реже *сѣ*, которую ставит после существительного. Один раз в значении члена встретилось местоимение *онѣ*. Местоименная форма, стоящая после существительного, склоняется вместе с ним. Из примеров укажем: *страсть та* — τὸ πάθος 16a7, слово *се* — ὁ λόγος 52г12, *тайны ты* — τῶν μυστηρίων 52620, *вещь тоу* — τὸ πρᾶγμα 52b11, *вещь та* — τὸ πρᾶγμα 52b23, *богатыи онѣ* — ὁ... πλοῦσιος 108a11, *притѣѣ сиѣ* — τὴν παραβολὴν 21161, *бестѣдамъ тѣмъ* — τοῖς ῥηθεῖσιν 115a27, *прорицаниа разоумъ тѣ* — τὸν τῆς προρρήσεως λόγον 115г6, *страстии сихъ* — πάθη 115г10, *пророчества того* — τὴν προρρησιν 116b8, *цкве тоу* — τὸν ναόν 158610, *томл'ение то* — τὴν τιμωρίαν 187b6, *оузы тоѣ* — τοῦ δεσμοῦ 187г13, *тѣ сотона* — ὁ σατανᾶς 181622, *вртѣда того* — τοῦ πάθους 208a25, *ожиланиа того* — τοῦ τόπου 209a6, *градъ тѣ* — ἡ πόλις 214b7, *града того* — τῆς πόλεως 214b22, *дѣло то* — τὸ πρᾶγμα 215a27, *повѣсть си* — ἡ διήγησις 216a13, *прѣстола того* — τῆς καθέδρας 218b18, *на мѣсто то* — ἐν τῷ τόπῳ 226г3, *оукоръ тѣ* — τὸν σχετλιασμόν 239616, *животъ тѣ* — τοῦ ζώου 241a2, *отъ земля тоѣ* — ἐκ τῆς γῆς 258a22—23, *на мѣстѣ томъ* — ἐν τῷ τόπῳ 258a3, *мѣста того* — τοῦ τόπου 258a5, *на камыцѣ же томъ* — ἐν δὲ τῇ πέτρᾳ 258b23, *има то* — τὸ ὄνομα 258b28—29, *камыцъ тѣ* — ἡ πέτρα 258г3.

Примечательно, что местоимение *тѣ* может ставиться даже в тех случаях, когда в греческом уже есть местоимение *αὐτός*: *αὐτός ὁ θεός* — *самъ тѣ бѣ* 97a21, *περὶ αὐτοῦ τοῦ πράγματος* — *о самой тои вещи* 97b9, *ὁ αὐτός προφήτης* — *самъ тѣ прркъ* 71г20. В этих случаях греч. *αὐτός* переводится славянским местоимением *самъ*, а артикль — местоимением *тѣ*, стоящим за первым местоимением перед существительным. При наличии у существительного определения артикль передается тем же местоимением *тѣ*, которое может ставиться за этим определением или за существительным: *пркъ стоуѣ тѣ твоѣ τὸν ναόν τὸν ἅγιόν σου* 109b15, *аки безоумноѣ тоѣ млтвоѣ прѣльстѣнаго того чл(о)вка* — *διὰ τῆς ματαιίας εὐγῆς τοῦ πλάνου ἀνθρώπου* 119627—28, *нечистѣна тоѣ жрътвы* — *τὴν ἐναγῆ θυσίαν* 149624,

страноу тоу всѣхъ стѣверскоуж — τὸ κλήμα ἅπαν τὸ βόριον 15369—10, прьвоуж заповѣдъ тоу — τὴν πρῶτην ἐντολήν 198в47.

Аналогичные случаи широко представлены в Шестодневе Иоанна экзарха (сп. 1263 г.): топлотоу тоу — τὸ θερμόν 62 об., животоу томоу — τὸ ζῶον 95 об., самого того плода — αὐτῶν δὲ τῶν καρπῶν 100 об., корение само то — τὴν ῥίζαν αὐτήν 101, влага та — τὸ ὑγρόν 102 и др., а также народо съ, родо съ, рабъ ть, коупецо ть и др. На это явление, обнаруженное им в Шестодневе, впервые указал П. И. Лавров, который установил, что в этом памятнике «соединение существительного с мест. совершенно то же, что и в языке новоболгарском в формах с членом» [30, с. 186].

Известны случаи, когда в старославянских евангельских текстах и Супрасльском сборнике греческая форма с артиклем передается сочетанием существительного с последующим указательным местоимением [31, с. 14—15]. Употребление местоимений *тъ*, *съ* в членном значении отмечается А. Минчевой в числе языковых особенностей преславских текстов [32, с. 139].

Итак, подводя итоги, можно констатировать, что данные ИСв-73 представляют немалую ценность для истории древнеболгарского языка. Прежде всего они подтверждают раннюю датировку смещения носовых: по крайней мере в некоторых болгарских диалектах этот процесс начался не позже XI в. Среди рукописей, датирующихся периодом до XII в., самое большое число написаний, отражающих смещение носовых, содержат Ассеманиево евангелие и ИСв-73. Возможно, дальнейшее изучение древнейших памятников славянской письменности, в том числе и древнерусских рукописей, восходящих к болгарским протографам, позволит обнаружить новые факты подобного рода. X

Существенны и свидетельства ИСв-73 об уподоблении и стяжении гласных в формах настоящего времени глаголов на -а-. Видимо, это явление было достаточно распространено в древнеболгарском. Оно известно и по старославянским памятникам: Мариинскому и Зографскому евангелию, Супрасльскому сборнику.

В ИСв-73 отразилась и такая рано проявившаяся болгарская языковая особенность, как совпадение форм вин. и твор. ед. у существительных и прилагательных с основой на *-ӑ. Шире всего, по сравнению с другими старославянскими памятниками, эта черта представлена в Супрасльском сборнике.

Употребление постпозитивного члена и особенности в склонении личных имен м. р. на -ии, -иа объединяют протограф ИСв-73 с памятниками, переведенными в Болгарии в X в. (Толковые пророки, XIII Слово Григория Богослова, Шестоднев Иоанна экзарха), а также с Супрасльским сборником.

Таким образом, в ИСв-73 отразились языковые особенности, характерные для многих древнейших памятников болгарского происхождения: Зографского и Ассеманиева евангелия, Супрасльского сборника и др. Примечательно, что почти все эти черты нашли свое дальнейшее развитие в языке среднеболгарских памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куев К. М. Археографические наблюдения над Сборником Симеона в старославянских литературах. // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 50—56.
2. Камчатнов А. М. Текстологический анализ списков Изборника Святослава 1073 г. // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 5—17.
3. Грязина Л. П., Щербачева Н. А. К текстологии Изборника 1073 г. (По рукописям Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина). // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 56—89.
4. Иванова К. За Хилендарския препис на първия Симеонов сборник // Старобългарска литература. Кн. 5, София, 1979. С. 57—97.
5. Mihailă Gh. Две копии Симеонова сборника в библиотеке Румынской Академии // Nahtigalov zbornik. Ljubljana, 1977. S. 255—275.

6. Розенфельд А. Язык Святослава Изборника 1073 г. // Русский филологический вестник. Т. 41. Варшава, 1899.
7. Баранкова Г. С., Бахтурина Р. В., Владимирова Л. А., Жуковская Л. П., Молдован А. М., Пичхадзе А. А. Изборник Святослава 1073 г. Некоторые древнерусские и южнославянские черты рукописи // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., 1988. С. 3—17.
8. Костюхина Л. М., Шульгина Э. В. Описание рукописи Изборника Святослава 1073 г. Научный аппарат факсимильного издания. М., 1983. С. 58—67.
9. Велчева В. Орфография древнерусских рукописей XI века и древнеболгарская письменность // Славянска филология. Докл. и статии за X Международ. конгрес на славистите. Т. 19. Езикознание. София, 1988. С. 147—152.
10. Записка д. ч. Дювернуа, содержащая археографическое обозрение части Изборника в. кн. Святослава 1073 г., изданной покойн. И. М. Бодьянским (74 листа рукописи) // ЧОИДР. 1882. Кн. 4, М., 1883. С. 1—31.
11. Будилович А. С. XIII Слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рук. ПБ XI в. СПб., 1875.
12. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
13. Leshien A. Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1877. В. II. S. 269—288.
14. Кульбакин С. М. Материалы для характеристики среднеболгарского языка. I. Боянское евангелие XII—XIII века // Изв. ОРЯС. 1899. Т. IV. Кн. 3. С. 800—868. II. Отрывок четвероевангелия Григоровича XIII—XIV века // Изв. СРЯС. 1900. Т. V. Кн. 3. С. 877—920. III. Охридский апостол XII века // Изв. ОРЯС. 1901. Т. VI. Кн. 1. С. 166—234.
15. Ван Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957. Т
16. Зографское евангелие, изданное В. Ягичем. Берлин, 1879.
17. Kurz J. Nazalni vokali u Asemanovu kodeksu // Slovo. Zagreb, 1970. XX. S. 5—28.
18. Jagić V. Wie lautete ж bei den alten Bulgaren? // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1879, В. III.
19. Mladenov S. Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin — Leipzig, 1929.
20. Дурново Н. Рец. на кн.: Кульбакин Ст. М. Палеографска и језичка испитавања о Мирослављевом јеванђељу. Сремски Карловци. 1925 // Slavia. Praha, гоџ. V, сеџ. 3. S. 563—571.
21. Кульбакин С. М. Древнецерковнославянский язык. Ч. II. Харьков, 1912.
22. Срезневский И. И. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868.
23. Ягич И. В. Мариинское четвероевангелие. СПб., 1883.
24. Ильинский Г. А. Грамоты болгарских царей (Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. Т. 5). М., 1911.
25. Кульбакин С. М. Грамматика церковнославянского языка по древнейшим памятникам (Энцикл. слав. филологии, вып. 10). Пг., 1915.
26. Заимов Й. Аналитични форми в Кичевския триод (старобългарски ръкопис от XI—XII век) // Славянска филология. Докл. и статии за X Межд. конгрес на славистите. Т. 19. Езикознание. София, 1988. С. 83—89.
27. Jagić V. Evangelium Dobromiri. Ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache des XII Jahrhunderts // Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. В. 138. Wien, 1898. S. 1—80.
28. Лескин А. Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. Казань. 1915.
29. Евсеев И. Е. Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе. СПб., 1897.
30. Лавров П. А. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893.
31. Дуриданов И. Старобългарският език в синхрония и диахрония // Славянска филология. Докл. и статии за X Международ. конгрес на славистите. Т. 19. Езикознание. София, 1988. С. 5—18.
32. Минчева А. Архаизми и нови черти в езика на преславската книжнина. / Славянска филология. Докл. и статии за X Международ. конгрес на славистите. Т. 19. Езикознание. София, 1988. С. 138—146.